

Михайлов Григорий Петрович

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ БОГОСЛОВИЯ И ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается оригинальная концепция жертвенности в фундаментальной антропологии французского философа Рене Жирара. Проанализированы отдельные аспекты интеллектуальной эволюции мыслителя. Показано, что его книга "Я вижу Сатану, падающего, как молния" развивает его ранние идеи о социальном значении жертвы. Используемая Жираром аргументация характеризуется опорой на рациональность, а не на веру в сверхъестественное, и является непосредственной апологией христианства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 150-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hists@gramota.net

INFLUENCE OF OLD BELIEVERS' ART ON MONUMENTAL PICTORIAL ART OF THE OFFICIAL CHURCH AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Miroshina Ekaterina Olegovna

Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov of the Russian Academy of Arts
mirkat@bk.ru

In the article on the basis of historical excursus the analysis of the peculiarities of the influence of the artistic traditions of religious pictorial art that were kept among the Old Believers on the artistic culture of the official Church is carried out. The author concludes that the artists of the turn of the XIX-XX centuries creating church paintings in the "Russian style" used a wide range of plots, which had been previously banned by the decrees of the Holy Synod in the 1720s and were revered in the community of the Old Believers.

Key words and phrases: Old Believers; iconography; monumental church painting; "Russian style"; national traditions; temple programs of murals; confessional policy.

УДК 141.3

Философские науки

В статье рассматривается оригинальная концепция жертвенности в фундаментальной антропологии французского философа Рене Жирара. Проанализированы отдельные аспекты интеллектуальной эволюции мыслителя. Показано, что его книга «Я вижу Сатану, падающего, как молния» развивает его ранние идеи о социальном значении жертвы. Используемая Жираром аргументация характеризуется опорой на рациональность, а не на веру в сверхъестественное, и является непосредственной апологией христианства.

Ключевые слова и фразы: Рене Жирар; фундаментальная антропология; жертва; насилие; священное; козел отпущения.

Михайлов Григорий Петрович

Российский государственный гуманитарный университет
heroinos@yandex.ru

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ БОГОСЛОВИЯ И ПОЛИТИКИ®

Французский философ Рене Жирар сегодня является создателем принципиально новой теории религии [10]. Его миметическая теория принимается на международном уровне в самых разных сферах. Например, недавно канадский философ Чарльз Тейлор в своей книге «Секулярный век», обстоятельно использует в этом отношении идеи Жирара, плодотворно применяя их, в частности, при исследовании феномена терроризма [9].

Одним из центральных понятий миметической теории Жирара оказывается «насилие», от которого происходит «сакральное». Само это насилие мы можем обнаружить повсюду, ни одно социальное явление немыслимо без него. Как в мифах, так и в трагедии, мы встречаем образы насилия, и чтобы понять различные его проявления, Жирар начинает с исследования жертвоприношения, открывающего насилие, неизбежно возникающему между людьми, обходной путь, не позволяя начаться войне.

Основная функция жертвоприношения – улаживание конфликтов, и существует оно в рамках ритуала. Такое жертвоприношение призвано остановить кровную месть, представляющую угрозу для существования сообщества, и жертва в нем обычно выбирается «не из своих» (либо животное, либо пленник). И этим сообществам, которые находятся на грани вымирания из-за непрекращающейся «вендетты» [4, с. 27], практически невозможно положить конец, считает Жирар. Одно из главных его утверждений состоит в том, что этот самый механизм избавления от внутриобщинного насилия посредством жертвоприношения, способен давать сбои. И тогда вместо «катартического» снятия насилия оно только усиливает его импульсы. По мнению Жирара, жертвенное насилие способно быть не только целительным средством, но и ядом, представляя собой своеобразный фармакон. Такой сбой Жирар именует «кризисом жертвоприношения» [Там же, с. 73], где стираются все различия, и все оказываются равны в борьбе всех против всех.

Символизируют такой кризис совершенно одинаковые «братья-враги», которые, получая симметричные раны, обмениваются симметричными ударами в поединке. Без направления насилия в единое русло остановка становится невозможной, а спасти общество в состоянии теперь лишь «жертва отпущения». После спонтанного единодушного убийства, по мнению Жирара, все должны моментально «отрезветь», и все, что перемешалось в итоге кризиса, возвращается на круги своя. А из объекта всеобщей ненависти жертва превращается в объект почитания, то есть становится практически богом. Такого рода сюжеты автор находит в мифологии различных народов.

По мнению Жирара, фигура козла отпущения присутствует в любых культурах. Изначальное «учредительное» насилие, как и предшествующий ему кризис, происходит в праздничном действии, предполагающем временное снятие иерархических различий. В момент праздника и происходит жертвоприношение, после чего

все возвращается обратно. Таким образом, механизм, который грозился сломаться, налажен и готов стабильно работать до следующего праздника, которым завершится новый временной цикл. «Всякий религиозный ритуал происходит из жертвы отпущения, а все великие человеческие институты – религиозные и светские – происходят из ритуала», – об этом пишет Жирар не только в «Насилии и священном» [Там же, с. 407], одной из главных своих книг, это также главная идея его последующих работ.

Впоследствии миметическая теория Жирара двинулась в сторону антропологической апологии христианства. С самого начала творческой деятельности можно увидеть, как главная задача автора все отчетливее выдвигалась на первый план. Еще в своей первой работе «Ложь романтизма и правда романа», побудившей его вернуться к католицизму, подвергая систематическому анализу романы Стендаля, Пруста и Достоевского, он открыл свой основополагающий тезис о том, что люди в своих желаниях миметически равняются на желания других [8, р. 83-95]. И чем более притягательным становится желание ближнего, тем больше отходит на задний план направленность к трансцендентной цели.

Однако в начале своей деятельности Жирар, очевидно, не хотел, чтобы его воспринимали как религиозного мыслителя. Работая над своей первой книгой, он и сам пережил некое религиозное обращение, став в то время практикующим католиком. Как он утверждал в предисловии к одной из своих последних работ, после его собственного обращения все его книги – это более или менее явные апологии христианства [5, с. 9]. Тем не менее это не привело к тому, что Жирар немедленно сделался богословом или христианским проповедником; его цель состояла в том, чтобы вне богословских предпосылок доказать убедительность христианства. Здесь он следует идее Симоны Вейль, которая видела в Евангелиях не столько богословие, сколько антропологию. В течение года Жирар развернул свою миметическую теорию в соответствии со своей антропологической теорией.

Играющая здесь центральную роль книга «Я вижу Сатану, падающего, как молния», недавно опубликованная на русском языке, впервые проясняет лишь намеченные прежде взаимосвязи. «Данная книга, в конечном счете, представляет собой то, что еще недавно называли апологией христианства» [Там же]. Это сочинение, вышедшее во Франции в 1999 г., представляет собой систематическое изложение жираровской миметической теории. В отличие от ранних работ, в этой книге Жирар вполне сознательно делает иудео-христианское откровение отправным пунктом.

Вначале дается антропологическая подоплека миметической теории. Поскольку Жирар, уделяя особое внимание формам межчеловеческого насилия, исследовал, прежде всего, миметическое соперничество с его тенденцией к эскалации, ему часто опрометчиво приписывали негативную антропологию, а то и онтологию насилия. Но как раз в этой работе Жирар с самого начала устраняет всякие поводы для подобного упрека, указывая на позитивную природу миметического желания: «Миметическое желание – благое по своей сути» [Там же, с. 22]. Жирар видит настоящую проблему в соперничестве людей, а не в агрессивном инстинкте. В качестве примера он приводит цитату из Библии: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:17; цитаты приводятся по Синодальному переводу [1]). Но сама заповедь еще не является окончательным ответом на склонность людей к насилию. Жирар понимает, что наличие заповедей побуждает их преступать и поэтому они не лучшая защита от насилия: «Лучший способ предотвратить насилие состоит не в том, чтобы запрещать объекты или даже само желание соперничества, <...> а предоставлять людям образец, который, вместо того чтобы вовлекать их в миметические соперничества, защищал бы от них» [5, с. 21]. Жирар конкретно указывает на следование Иисусу, которое означает подражание Образцу, чье желание обращено к Богу-Отцу и поэтому не побуждает нас, по мнению Жирара, к соревнованию. Поскольку ни Иисус, ни Отец не имеют алчного, эгоистичного желания, мы не попадаем в «ловушку миметических соперничеств», если «подражаем божественную бескорыстию» [Там же, с. 20].

Следующий момент миметического цикла относится к вышеупомянутому религиозному сокрытию механизма «козла отпущения», которое начинается с обожествления жертвы и образует начало архаических религий. В то время как мифологические религии сформированы, исходя из точки зрения преследователей, библейские религии солидаризируются с преследуемыми жертвами [6]. Жираровская теория религии подчеркивает принципиальное отличие между христианскими текстами и архаическими мифами. «Мифические свидетельства говорят о виновности жертв коллективного насилия. Эти рассказы попросту лживы, иллюзорны и обманчивы. Библейские и евангельские свидетельства настаивают на невинности тех же самых жертв. И они надежны, правдивы и точны» [5, с. 7]. Жирар иллюстрирует это различие с помощью библейских текстов. Что касается Ветхого Завета, он выделяет историю Иосифа из Книги Бытия, сопоставляя ее с мифом об Эдипе. Эдип и Иосиф с самого детства переживают судьбу «козлов отпущения». Эдипа изгоняют родители, Иосифа продают братья. Однако различия между этими двумя историями важнее, чем параллели. Если на Эдипа – из-за его мнимого инцеста с собственной матерью – возлагают ответственность за чуму в Фивах, то библейский рассказ далек от обвинения Иосифа в подобном преступлении. Не он изнасиловал жену своего друга-покровителя Потифара, а наоборот, она прельстилась Иосифом. Библия однозначно принимает сторону жертвы – Иосифа. Она не солидаризируется ни с его завистливыми братьями, ни с его египетскими обвинителями. В то время как Эдип после своего изгнания возвышается до некоего божества, Иосиф решительно отклоняет подобное намерение своих когда-то преследовавших его братьев. Именно в этом отказе от обожествления жертвы Жирар усматривает уникальность Библии: «Иудейская религия лишает божественности жертвы и жертвенности – божество» [Там же, с. 130]. По Жирару, новозаветные тексты идут еще дальше иудейской Библии. Евангелисты обладают «поистине колоссальным знанием и способностью уверенно отличать мифическое воскресение от евангельского» [Там же, с. 144]. Жирар ясно говорит о христианстве как о торжестве

креста, так как в Страстях Иисуса происходит абсолютный переворот в архаических отношениях религии и насилия. Именно безвластное принятие насилия и его страдание на Кресте разоблачают древнее учредительное убийство и лишают его культуросозидательной силы.

Как можно видеть из самого названия книги, Жирар в ней полемизирует со многими современными теологами также и в связи с темой Сатаны. Склоняющий к вражде мимесис соответствует фигуре Сатаны как дьявольской силе беспорядка, притом что «князья мира сего» отстаивают порядок, основанный на механизме «козлов отпущения». Бог и Сатана суть также прототипы образов, которые или обозначают путь подражания, не ведущий к соперничеству, или неизбежно ведут к насилию, потому что подражанием овладевают эгоизм и алчность. «В одном случае мы не можем увидеть миметическое нагнетание, поскольку сами без тени сомнения в нем участвуем <...> В другом случае мы констатируем миметическое нагнетание, в котором не участвуем, и можем дать ему описание, соответствующее действительности. Мы реабилитируем несправедливо обвиненных козлов отпущения. На это способны только Библия и Евангелия», – утверждает Жирар [Там же, с. 140].

Помимо идеи «Триумфа креста», к которой подводит нас Жирар в конце книги, также интересна отсылка автора к политическим реалиям двадцатого столетия: «Тоталитаризм предстает как освободитель человечества. В попытках свергнуть Христа и занять его место власти подражают ему, одновременно обвиняя христианскую обеспокоенность жертвами в лицемерии и жалком подражании тому подлинному крестовому походу против притеснений и гонений, флагом которого они являются. На символическом языке Нового Завета можно сказать, что Сатана в новых попытках утвердить свое положение в нашем мире заимствует у него язык жертв. Он все лучше и лучше имитирует Христа и претендует превзойти его. Эта хищническая имитация уже долгое время присутствует в христианизированном мире, но в нашу эпоху она набирает особую силу. Именно этот процесс в Новом Завете описывается термином Антихрист» [Там же, с. 189]. Важно, что в своей работе Жирар гораздо больше внимания уделяет современности, подчеркивая, что, с одной стороны, в современном мире одновременно спасается больше жертв, чем в любом мире до него, с другой, – создается при этом больше жертв, чем в любом мире до него. Ведь XX век – это не только самая масштабная война в истории, это и концлагеря с геноцидом, и ядерное оружие. И каждый день перед обществом появляются все новые и более жестокие угрозы. Таким образом, неприятие жертвенного насилия есть праведная борьба с лицемерием социальных и политических институтов, которые неизменно эксплуатируют жертвенные ценности.

Также интересен сам подход Жирара, который может лишь условно быть назван богословским и обходится при этом без постулирования реальности христианского Бога. Предлагая естественную, рациональную интерпретацию данных, которые до этого были признаны имеющими сверхъестественное происхождение, например, о Сатане или об апокалипсическом измерении Нового Завета, миметическое прочтение в действительности расширяет область антропологии, и при этом, в отличие от нехристианских антропологических учений не минимализирует влияние зла на человека и его потребность в искуплении. «Некоторые христианские читатели боятся, что это расширение будет произведено за счет легитимного домена богословия. Я полагаю, что, напротив, десакрализация определенных тем, указание на то, что Сатана существует в первую очередь как субъект структур миметического насилия, позволяет мыслить вместе с Евангелиями, а не против них» [Там же, с. 201].

Так или иначе, теория Жирара, как и любая другая теория, претендующая на всеохватность, не лишена недостатков и подвержена критике. Сводя многие социальные явления к жертвоприношению, Жирар не учитывает большого различия между древней эпохой и современностью, что, впрочем, не мешает ему строить свою теорию.

Говоря о следах жертвоприношения в современном мире, Жирар видит их в судебной системе. Наша цивилизация, в отличие от законов кровной мести, лежащих в основе существования примитивных племен, обладает судебной системой, которая гарантирует возмездие в соответствии с определенными принципами. Суд, по Жирару, это рациональная месть, выполняющая ту же функцию, что и жертвоприношение, а теории, обеспечивающие «справедливость» судебного решения, аналогичны теологии. Нельзя не заметить, что судебное насилие, на первый взгляд, сопровождается сходным настроением с ритуальным насилием: оно воспринимается как «приказ бога», как обязанность, оправданная мировым порядком, – как священная обязанность. Оно неизменно предстает очищенным от личного произвола исполнением безличной воли свыше. Именно трансцендентный характер отделяет законное насилие от преступного, тем самым лишая смысла возмещения против него, и, в конечном счете, месть.

Сравнительный анализ ритуала жертвоприношения и судебной системы дает основания Жирару для следующего вывода: «Все процедуры, позволяющие людям ослаблять свое насилие, схожи тем, что каждая из них как-то с насилием связана. Религия в узком смысле слова совпадает с различными способами профилактики <...> А религия в широком смысле, несомненно, совпадает с той темнотой, которая в конце концов окутывает все средства, используемые человеком против собственного насилия <...> Этот мрак есть трансцендентность священного, законного, легального насилия, в отличие от имманентности насилия греховного и незаконного. Тем самым религия и защищает нас от насилия, и прячется за ним, как и оно за ней» [4, с. 33–34].

Тем не менее, несмотря на кажущееся сходство ритуала жертвоприношения и судебной системы, здесь все же можно увидеть существенную разницу. Дело в том, что к осуждению насилия как такового, человечество пришло само, безо всякой помощи свыше. И правила общежития в обществе существовали еще до появления любой из существующих ныне религий. Соответственно, попытка жертвоприношения к единственной панацее против миметических конфликтов, сама по себе является определенным преувеличением.

Опыт показывает, что, несмотря на войну «всех против всех», которую описывает Жирар, все же у человечества есть глубинные механизмы, которые способны подавлять агрессию. Истоки их можно усмотреть

в биологической эволюции, в которой обнаруживается не только эгоистическое выживание, но и альтруистическое сотрудничество. Известный этолог Франс де Вааль, многие годы изучающий поведение приматов, так пишет об этом: «Млекопитающие с развитым социальным инстинктом наиболее стремятся к гармоничным отношениям. Они всеми силами стараются избегать конфликтов, если это возможно. Взгляд на природу как на сражение гладиаторов просто ошибочен <...> Если избежать схватки все же не удастся, то приматы реагируют на нее так же, как паук на порванную паутину: переключаются в режим коррекции. Значимость социальных отношений подталкивает их к примирению. Исследования самых разных биологических видов показывают, что чем ближе особи друг к другу и чем чаще они общаются, тем с большей вероятностью они помиряются после драки. Их поведение говорит о том, что приматы осознают ценность дружбы и семейных уз, и это нередко заставляет их преодолевать страх или подавлять агрессию <...> Все сказанное возвращает к нас теории происхождения морали “снизу вверх”. Нравственный закон не насаждается сверху и выводится из разумных логических принципов; скорее можно сказать, что он вырастает из прочно укоренившихся ценностей, зародившихся еще в начале времен» [2, с. 120]. Если опереться на такую точку зрения, то жертвоприношение само по себе предстает, лишь как один из методов сублимации агрессии, появившийся гораздо позже первых форм первобытного суда. И исходная посылка Жирара о том, что человек есть в первую очередь «существо религиозное», наводит на сомнения, как и претензия на тотальность. Впрочем, то, как с помощью этой теории некоторыми исследователями Жирара трактуются кровавые страницы современной истории, выглядит весьма правдоподобно [7]. Допустим, массовой геноцид евреев в гитлеровской Германии или сталинские репрессии трактуются как массовое жертвоприношение, позволившее Гитлеру и Сталину удержать власть. И действительно, та квазирелигиозная структура, которую собой представляли нацизм и коммунизм, была нацелена, в первую очередь, на поклонение «божеству» в лице вождя (культ личности), и уничтожение «неверных» – тех, кто не соответствовал социальному порядку. В отличие от судебной системы, предотвращающей насилие, жертвоприношение стало, по сути, частью огромной тоталитарной машины, воплощающей насилие.

В итоге Жирар, противопоставляя современную культуру традиционным обществам, в отличие от ряда других аналитиков современности, не идеализирует последние. Несмотря на функционирование жертвенного механизма в традиционном обществе, современное общество, по мнению Жирара, оказалось в куда менее выигрышном положении, ведь роль Евангелия изначально состояла в том, чтобы сделать жертвенный механизм осознанным, но процесс этот, к сожалению, произошел не до конца. Бессознательный жертвенный механизм оказался, таким образом, вытесненным, но не преодоленным: разрешение насилия путем жертвоприношения отныне «находится под запретом», но разрушительные импульсы так и не находят выхода.

Книга Жирара «Я вижу Сатану, падающего, как молния» заканчивается цитатой из послания апостола Павла: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1 Кор. 1:18). Пожалуй, здесь пафос Откровения достигает у Жирара своей кульминации. Если в предыдущих своих работах, например, в программной статье «Насилие и религия: причина или следствие» [3] он отстаивал архаические религии, и заявлял об их важной задаче поддержания мира, то последняя его книга резко противостоит приравниванию библейских текстов к мифам, и фактически становится одной из наиболее оригинальных антропологических апологий христианства.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Синодальном переводе с комментариями и приложениями. М.: Российское Библейское общество, 2006. 2047 с.
2. Вааль Ф. де. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 384 с.
3. Жирар Р. Насилие и религия: причина или следствие? // Логос. 2008. № 4 (67). С. 129-139.
4. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
5. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: Изд-во ББИ, 2015. 230 с.
6. Карелин В. М. Опыт демаскировки гонений // Философский журнал. 2011. № 2. С. 157-166.
7. Карелин В. М. Человек сталинской эпохи: антропология жертвы в свете современных теорий [Электронный ресурс] // Общество, государство, право. 2013. № 2 (8). URL: <http://gosuprav.ru/PDF/03OGP213.pdf> (дата обращения: 10.09.2015).
8. Girard R. Deceit, Desire, and the Novel: Self and Other in Literary Structure. Baltimore: John Hopkins University Press, 1966. 328 p.
9. Taylor Ch. A Secular Age. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. 887 p.
10. Williams G. René Girard: a biographical sketch // The Girard Reader / ed. by J. G. Williams. N. Y.: Crossroad, 1996. P. 1-6.

PHENOMENON OF SACRIFICE AT THE INTERSECTION OF THEOLOGY AND POLITICS

Mikhailov Grigorii Petrovich
Russian State University for the Humanities
heroinos@yandex.ru

The article examines the original conception of self-sacrificingness in the fundamental anthropology by the French philosopher Rene Girard. Some aspects of the intellectual evolution of the thinker are analyzed. It is shown that his book “I See Satan Fall like Lightning” develops his early ideas about the social meaning of sacrifice. The argumentation used by Girard is characterized by relying on rationality, but not on belief in supernatural and is a direct apology of Christianity.

Key words and phrases: Rene Girard; fundamental anthropology; sacrifice; violence; sacred; scapegoat.